

Aleksandr Antipov

Morfonologičeskie modeli nominativnoj derivacii : (k probleme funkcij derivacionnoj morfonologii russkogo âzyka

---

Acta Neophilologica 10, 21-29

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Александр Антипов

Кемеровский государственный университет
Кемерово (Россия)

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ (К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ МОРФОНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Key words: derivative morphonology, semiotic functions, categorization, Russian dialects

Одним из важнейших направлений европейского языкознания всегда и традиционно был поиск системных уровней, раскрывающих единство отражательных и знаковых свойств языка.

В лингвистике новейшего периода, однако, под влиянием иных научных традиций особое отношение к когнитивной функции языка оказалось связано с попытками своеобразного преодоления языковой структуры и языковой формы. Своим стремлением «упереться» в некоторые когнитивные современные когнитивная лингвистика странным образом вульгаризирует, на наш взгляд, проблему системности структур порождения и функционирования языка, обеспечивающих механизмы языковой категоризации. В итоге, структуры языка вытесняются структурами так называемой «естественной категоризации», воссоздаваемыми в лучшем случае изоморфно структурам памяти, а нередко и вообще – в отсутствии самих языковых структур, низводимых в ранг «фиктивных» и даже «вредных» для языка. И хотя от принципов иерархии, парадигматики и синтактики языковых структур, несомненно, невозможно отстраниться, увлечённость «новыми» надсистемами приводит иногда к удивительным результатам.

Так, по мнению В.Г. Руделева, «искусственная», «схоластическая» теория лингвистических уровней Э. Бенвениста представляет собой «чисто умственное, в некоторой степени игровое построение», поэтому, в частности, как убеждён критик системной мотивированности языка, «морфемное представление языковых единиц (словари морфем, морфемный анализ и т.п.) бессмысленно, непродуктивно, вредно, тупиково» [Руделев 2006: 14].

На фоне подобных рассуждений не менее удивительными выглядят не только данные типологических описаний морфологической структуры языков, использующих «конфликт» грамматической и лексической категоризации, не только вся когнитивная традиция европейского языкознания, модель которой в XX в. во многом связана с именем Э. Бенвениста, но и важнейшие для просвещённой Европы семиотические воззрения В. фон Гумбольдта и И.А. Бодуэна де Куртене, обретающие сегодня, как оказалось, особую актуальность.

Не углубляясь в изложение общих вопросов теории структуры слова (динамический статус этой модели языкового знака, отражающей процессы его функционирования, включая порождение и дискурсивное использование, вполне доказан), отметим лишь, что одно из направлений исследования языковых уровней, настроенных на акты семиозиса, поразительным образом связано с именем учёного, продвигающего в русской науке идеи когнитивизма.

Начиная с 60-х гг. XX в. в известных работах Е.С. Кубряковой, её единомышленников, учеников и последователей, посвящённых проблемам структуры слова в языках различных типов, в качестве одной из первоочередных задач была поставлена проблема функционального изучения морфологической структуры слова. Своё всестороннее обоснование получили основные уровни динамического функционирования этой структуры знака в традиционных для европейской лингвистики аспектах языкового сознания и речевого мышления. Неслучайно поэтому именно работы Е.С. Кубряковой по морфологической структуре языка, в которых были намечены пути преодоления нефункциональных процедур дистрибутивного анализа, воспринимаются сегодня как пионерские и с актуальных позиций когнитивной лингвистики.

Тот вклад, который сделан Е.С. Кубряковой в проповедование основ функционального освещения структуры слова, соотнесён, прежде всего, с объяснением «психической реальности» основных системных уровней её порождения – морфонологического, морфемного и словообразовательного – в пространстве речевой деятельности человека. В 70-80-е гг. благодаря разработке принципов семантического анализа морфологической структуры слова получил обоснование и ономазиологический аспект, позволивший охарактеризовать поверхностные «слои» языкового знака в аспекте глубинных, изоморфных структур номинативной деятельности. Через описание ономазиологических структур, ведущих типов языковых значений в их межуровневом взаимодействии были обозначены и перспективы морфологического анализа, ставшие с конца 80-х гг. одним из моментов обосновываемой Е.С. Кубряковой когнитивной парадигмы грамматики и семантики.

В иерархии языковых моделей особую роль, по мнению Е.С. Кубряковой, играют и интересующие нас явления морфонологии, этой исключительно «тупиковой», на первый взгляд, подсистемы семиозиса, ведь именно «здесь начинается осуществляться переход от незнаковых сущностей к знаковым» [Макаев, Кубрякова 1969: 115].

Развиваемое Е.С. Кубряковой понимание морфонологии как «области существования явлений знакового, двустороннего характера» [Кубрякова, Панкрац 1983: 17] оказывается особенно востребованным сегодня не только в связи с удивительными тезисами некоторых когнитологов, но и в высоком смысле – в плане изучения, как сказал бы Э. Бенвенист, «совмещённой субстанциональности» языкового знака, обладающего наряду с символическими отражательными свойствами – иконическими и индексальными.

В пространстве языкового знака такой статус морфонологии был в полной мере осознан уже в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников.

Вопрос о функциях морфонологической структуры слова был поставлен школой И.А. Бодуэна де Куртенэ в широкий контекст изучения ассоциативных феноменов языка, связанных с «психическими различиями», с «представлениями определённых психических нюансов (оттенков)», с «психическим влиянием», «при котором с фонетическим различием бывает связано (ассоциируется) какое-нибудь психическое различие форм и слов, т.е. какое-нибудь морфологическое и семасиологическое различие» [Бодуэн 1963: 281, 301].

«Психические ассоциации, – писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, – на которые опирается сохранение традиционных альтернатив, находятся в непрерывной коллизии со стремлением к устранению фонетических различий, не оправданных ни индивидуальными антропофонетическими тенденциями, ни индивидуальными психическими потребностями» [Бодуэн 1963: 313]. Поэтому, как отмечал Н.В. Крушевский, «фонетические изменения дают толчок новому распределению звуков между морфологическими единицами слова», «вызывают морфологический процесс» или свидетельствуют о том, что «каждое понятие и каждый оттенок понятия имеют своё внешнее выражение» [Крушевский 1998: 166]. Отсюда и тезис о языковой симметрии, отмечаемой в случае семантической дифференциации вариантных единиц структуры слова, при которой, согласно В.А. Богородицкому, фонетически противопоставленные варианты морфемы не только «разветвляются на две и более при одном и том же значении», но и «закрепляются» за тем или иным «особым оттенком значения» [Богородицкий 1939: 182, 191], «когда фонетическое расщепление ассоциируется с психическим расщеплением» [Бодуэн 1963: 325].

В этом теоретическом смысле функционирование морфонологических моделей языка не «бессмысленно», но отражает, как и другие уровни морфологической структуры, «системную мотивированность» языкового знака, если вспомнить ещё раз о концепции лингвистических уровней Э. Бенвениста.

В современной славянской морфонологии учение И.А. Бодуэна де Куртенэ о морфологизации и семасиологизации звуковых представлений получило своё развитие в плане обоснования принципов «двусторонней» морфонологии [Толстая 1998: 36–37], основу которой составляет положение, очень точно сформулированное М.В. Пановым: «Функциональные отношения, а не внешнее сходство – вот на каком основании строится в языке целостность единиц» [Панов 1999: 36]. Именно с функциональным освещением морфонологических

процессов связана традиция их анализа в качестве индексальных феноменов языкового знака [Якобсон 1983; Мигачев, Панкрац 1992], «внутренний смысл» которых заключается в возможности «сигнализировать о некотором тонком, иногда трудно уловимом, но от этого не менее реальном сдвиге в значении у одной формы сравнительно с другой» [Кубрякова, Панкрац 1983: 21]. Признание связей морфонологии и семантики в структуре языкового знака позволяет доказывать существование семиотической детерминанты функционирования морфонологических явлений через противоположение функций структурной и категориальной индексации [Laskowski 1980] и выделение плана означаемого у морфонологических альтернатив [Панов 1999: 39].

Действительно, в свете функционально обусловленного единства внешней формы языкового знака с внутренней, с которой план выражения в целом, включая морфонологический его уровень, находится в отношениях симметризации и компенсаторной взаимозависимости [Зубкова 1993], морфонологическая структура слова не является некоей «отсутствующей структурой», нейтральной к ассоциативным феноменам категоризации. Напротив, в языках с развитым грамматическим строем морфонологические структуры вычлняются вполне автономно, проявляя своё динамическое функционирование во взаимодействии не только с основными уровнями синкретичной морфологической структуры слова, но и с семантической. В деривационной морфонологии, в частности, особый характер взаимодействия морфонологической структуры производного слова с морфемной и деривационной определяет своеобразную биполярность морфонологии как относительно независимого от семантики уровня отождествления структуры слова и в то же время одного из уровней моделирования его внутренней формы в семиотических актах номинативной деривации [Кубрякова 2000].

С одной стороны, формируя структуру морфемных последовательностей, морфонология влияет на формальную организацию морфемы и слова. В этом случае последствия «волнового синтеза» выступают в качестве динамического фактора отождествления морфемных и деривационных структур языка.

С другой стороны, морфонологическая вариативность внутренних компонентов слова нередко сигнализирует о семантической дифференциации его формальных структур, что обосновывает функции морфонологии как парадигматического фактора членимости / мотивированности дериватов.

За счёт соотношения формальной структуры слова с семантической морфонологическая вариативность предстает в качестве явления особого уровня мотивированности, при поддержке которого реализуются функции внутренней формы производного слова, определяемой в этом случае в аспекте функционирования значимых сегментов морфонологической формы производного слова, обусловленных его мотивированностью, т.е. «тех его морфонологических свойств, которые символизируют связь данного звучания с данным значением или с данными стилистическими коннотациями» [Ахманова 1966: 81]. При этом основной способ морфо-семантической организации

лексического значения производного слова – его вариантная внутренняя форма [Блинова 2000: 16], отражающая видоизменения компонентов мотивационной формы (холщ/бв/ин(а) – ‘ткань из холста’ / ‘холщовая ткань’) либо мотивационной формы и мотивационного значения (холщ/ин(а) – ‘ткань из олста’ > холщ/ин/и́(а) – 1) ‘ткань из холста’ / 2) ‘одежда, сшитая из холста / холщины’ – здесь и далее используются авторские материалы диалектологических экспедиций 1988–2001 гг. по изучению русских диалектов Кузбасса, составившие основу моделирования морфонологической системы кемеровского говора).

В ходе описания этой биполярности на материале диалектной словообразовательной морфонологии [Антипов 2001] мы пришли к выводу о том, что связи морфонологии и семантики в структуре производных знаков во многом обусловлены морфонологической спецификой их деривационных структур. Об этом свидетельствуют факты системы и нормы, а также феномены языковой памяти, раскрываемые не только в пространстве метаязыковой фантазии коммуникантов, но и в условиях естественных речевых актов.

Как это следует из основных результатов полученного нами типологического описания русских диалектов [Антипов 1997], морфонологическая мотивированность производного слова обнаруживается в самом характере распределения в диалектном пространстве морфонологических альтернатив в составе производящей базы (основы) и словообразовательного форманта, что свидетельствует о значимости деривационной морфонологии для (1) организации словообразовательных типов, а также диалектного членения (прежде всего – в аспекте противопоставления материнских и дочерних диалектов); (2) разграничения ядра и периферии морфонологических чередований (при этом отмечается сохраняющееся влияние фонологических закономерностей, вследствие чего системной и эмпирической продуктивностью среди ядерных чередований обладают альтернативные ряды, возглавляемые немаркированными альтернантами), (3) классификации позиционно детерминированных и свободно распределяемых формантных вариантов; (4) выявления морфонологически релевантных позиций, за которыми закреплены те или иные алломорфные реализации словообразовательного форманта.

«Контактная зона» деривационной структуры слова [Нещименко 2002] оказывается областью сосуществования тенденций воспроизводимости и производимости: в процессах системного функционирования дериватов действие фузии, обуславливающей морфонологическую вариативность производящей базы и форманта, взаимодействует с агглютинативной тенденцией, снижающей регулярность фузии как в области реализации морфонологических позиций, так и в сфере лексико-грамматической и лексико-семантической дистрибуции.

Активность синтетических и аналитических процессов поддерживается полимотивационной тенденцией, обуславливающей взаимодействие и интерференцию словообразовательной структуры слова с морфемной. По причине

актуализации наряду с непосредственными опосредствованных мотивационных связей дериватов «как единый словообразовательный формант начинает восприниматься вся часть основы мотивированного слова, отличная от корня, а мотивирующая основа слова становится равной корню (мод-ничать, упрямотствовать)» [Улуханов 1977: 43]. Ср. диалект.: кон-э́вник, кон-ова́льник; куст-а́рник, куст-ара́жник; мед-о́вник, мед-ови́чник, мед-ову́льник, мед-они́шник, мед-у́ночник, мед-уни́чник и др. С этой бинарной мотивационной структурой нередко связана дифференциация семантики производных лексем через единицы их морфонологической структуры (ср.: горшэ́ч-(н)ик – ‘тот, кто изготавливает горшки / горшечных дел мастер’, горшк-о́в/ник, горш-о́в/ник – ‘тряпка, которой подхватывают горшки’). В подобных случаях на выражение мотивационных отношений направлено функционирование морфемных блоков отсылочной и формирующей частей дериватов, наиболее близких к компонентам внутренней формы слова, благодаря чему морфонологические трансформации сигнализируют о сдвигах в значении слова, а сами трансформы способны изменять функциональный статус вплоть до обретения ими плана означаемого.

В тенденции – если основная алломорфия отвечает за тождество категоризируемых мотивационно связанными лексемами признаков (функции структурной индексации, предсказывающей направление производности), вариативность форманта, конкретизируя мотивирующую семантику, приводит к перекатегоризации (функции семантической индексации, дифференцирующей семантические сдвиги по моделям деривационной полисемии и синонимии, – ср.: коро́в-ник – 1) ‘тот, кто скупает и продаёт коров’, 2) ‘подосиновик’, коров-я́т/ник – 1) ‘тот, кто продаёт коров’, 2) ‘шкура коровы’). Отсюда компенсаторная взаимозависимость морфонологической асимметрии производного слова, заключающаяся во взаимодействии фузионных закономерностей в строении отсылочной части дериватов и агглютинативных – в функционировании словообразовательных формантов.

При продуктивности процессов формального варьирования, сопровождающих семантические сдвиги, стремление морфонологической формы к категоризации проявляется во всех случаях усложнения структуры суффиксального форманта по образцу редупликационных моделей, но прежде всего – в случае алломорфной реализации форманта.

В диахронии к новым аффиксам с более экспрессивным означаемым приводит, как известно, переразложение морфемной структуры слова, а сами «производные аффиксы», претерпевая опрощение своей структуры, получают в языке переходный статус позиционно или непозиционно противопоставленных вариантов (алломорфов или фонорморфов). В процессе функционирования данные единицы могут использоваться в качестве грамматических средств оформления результатов семантической деривации и в итоге приобретать новое «качество» – функцию и значение. Этот процесс «обрастания» фонетически противопоставленных вариантов морфем языковыми значениями – один из ведущих процессов динамики структуры слова в русском языке [Марков 1970].

В качестве синхронной закономерности регулярная тенденция формальной вариативности аффиксальных морфов нередко отражает сохранение условий переразложения, провоцируя расширение системы средств морфонологической деривации через формирование морфонологических моделей внутри того или иного словообразовательного типа.

Образуя в синхронии, по разным оценкам, сочетания интерфиксов и / или субморфов и аффиксов [Красильникова 1981], «производные аффиксы» составляют единство, влияющее на функционирование слова, т.е. формант, участвующий в функциональной дифференциации значений дериватов, при которой производная по происхождению морфема может получить статус самостоятельной, имеющей «свое специфическое значение, отличное от значения составляющих ее частей» [Земская 1973: 136]. В условиях усиления или нейтрализации значения предыдущего аффикса последующим [Милославский 1980: 26–29; Литневская 1991: 72] эти так называемые «морфемные блоки», часто сохраняющие членимость не только на морфонологическом уровне, выражают, тем не менее, единое словообразовательное значение, по которому в системе отождествляются новые модели деривации [Кузнецова 1987]. Их формирование в русском языке определяется регулярными морфонологическими особенностями деривационного акта: большей формальной выразительностью длинного морфа в сравнении с более коротким; фузионными процессами на морфемных швах; продуктивностью «вторичных» аффиксальных морфов, связанных с тенденцией к агглютинативности, с уменьшением роли нелинейных средств сцепления морфем по сравнению с линейными; большей наглядностью словообразовательных отношений у слов, формальная структура которых содержит субморфное наращение аффикса, т.е. «прозрачностью» словообразовательной структуры производного [Земская 1973: 119; Лопатин 1977: 51–52]. Всё это приводит к нестройной дифференциации морфонологических позиций алломорфов в структуре русского производного слова, восполняемой развитием у них качества семантической регулярности – роли в стратификации определённых типов языковых значений, по которой многие алломорфы противопоставлены в области частных словообразовательных значений одного словообразовательного типа. Именно характер функциональной дистрибуции позволяет обсуждать проблему семантических позиций алломорфов [Лопатин 1977: 279–283], обусловленных категориально в границах словообразовательного типа грамматическими и лексическими причинами синхронной динамики (особой значимостью полимотивационных факторов, критериев мотивационной типологии и межуровневой абстракции формантной семантики [Антипов 2002]).

В границах словообразовательных типов русского языка функционирует, как правило, некоторая система аффиксальных единиц, находящихся в отношениях морфонологической вариантности. Их функции отнюдь не сводятся к устранению сочетаний морфем, не характерных для структуры языка, тем более что в результате морфонологического процесса возможно усложнение фонемной

структуры слова, приводящее, в частности, к появлению нетипичных консонантных сочетаний (ср.: вечер/ник, вечер/оч/ник, вечер/ош/ник, вечер/ш/ник). Поэтому при поддержке бинарной структуры опосредствованных мотиваций в словообразовательной форме вычлняются так называемые «формантные варианты», которые в условиях свободного распределения нередко продолжают функционировать в качестве морфемных блоков. Не случайно, в экспериментах при восприятии лексем с вариантной внутренней формой параллельно с осознанием мотивирующей семантики отмечаются ассоциации с опорой на формантный компонент, идентифицируемый даже в случае алломорфной модели либо как целостный формант, либо как некоторый морфемный комплекс. Ср.: свин/ятник – ‘помещение для свиней, по аналогии с «курятник»’, ‘соотносится со словом «свинарник»»; слон/ят/ник – ‘помещение для слонов’, ‘человек с большим носом, как у слона’, ‘человек, который ухаживает в зоопарке за слонятами’, ‘слоняется, как слон’ [Антипов 2001: 101–110].

Через функционирование алломорфных реализаций форманта раскрывается и механизм морфонологической категоризации в его обусловленности процессом формирования семантических оппозиций у формальных вариантов слова. В зависимости от величины и глубины семантических расстояний, возникающих между морфонологическими вариантами, моделируются не только способы формальной организации межуровневых значений, но и сами единицы семантической стратификации, имеющие своё направление функционирования в актах номинативной деривации, а значит, и в языковых процессах лексической категоризации и когнитивной репрезентации знаний о мире.

Предпочтительное закрепление одних формантных вариантов за функциональными номинациями лиц, других – за функциональными номинациями артефактов, третьих – за характеризующими номинациями биофактов [Антипов 2001: 116–141] показывает, что парадигматически морфонологические изменения аффиксальных морфов организованы в границах семантических микросистем (таксономий) словообразовательных типов.

В аспекте морфонологической формы структура суффиксальных дериватов, например, предстает как последовательное повышение ранга семантической абстракции единиц стратификации словообразовательного значения: субморфная, варьирующаяся часть форманта является маркёром внутритиповой таксономии, а его основной вариант (постоянный компонент морфонологической формы) – показателем словообразовательного типа, его общего деривационного значения. Такая стратификация значений приводит к достаточно глубоким семантическим расстояниям между формальными структурами производных слов, что объясняется необходимостью дифференциации дублетов, формальная вариантность которых используется уже не в экспрессивной, а в номинативной функции. В результате варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств категоризации – отождествления классов референтов в границах (1) одной ономастологической категории (или субкатегории): налив-ник – ‘блин или

оладья, намазанные сверху сметаной’, налив-áй/ник – ‘пирог из чёрной муки, политый сверху жидкой начинкой (наливóй)’, налив-áш/ник – ‘ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой’; (2) частично противопоставленных ономаσιологических категорий: мош-нiк – 1) ‘тот, кто добывает и продаёт мох’, 2) ‘тетерев’, мш-áр/ник – 1) ‘утеплённый мхом хлев’, 2) ‘болото’; (3) полностью противопоставленных ономаσιологических категорий: мош-нiк в указанных значениях имен лиц и биофактов, мш-áн/ник – 1) ‘тёплый хлев для скота’, 2) ‘кладовая для хранения овощей, зимовки пчёл’.

Функционирование морфонологической структуры дериватов сводится в подобных случаях к преодолению формальной и семантической идиоматичности производного слова, ведь именно благодаря алломорфии в границах словообразовательного типа противопоставляются ономаσιологические сферы, имеющие свои специализированные морфонологические модели, потенциально «готовые» к системной поляризации в качестве самостоятельных деривационных структур. Поэтому, если морфонологическая структура форманта оказывается семантически релевантной, соответствующие формантные варианты либо уже функционируют в качестве самостоятельных средств номинативной деривации, либо ещё представляют собой переходные единицы, стоящие на грани формирования самостоятельных аффиксов.

Если же вспомнить известную метафору Умберто Эко, то на материале таких динамических уровней языковой системы, как морфонология, приходится удивляться уже тому, что в моделирующем, когнитивно-категориальном характере языка не заложены «отсутствующие структуры».

Библиография

- Антипов А.Г. (1997). *Русская диалектная морфонология: Проблемы описания*. Кемерово.
- Антипов А.Г. (2001). *Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров)*. Томск.
- Антипов А.Г. (2002). *Мотивационные функции морфонологии (на материале диалектного словообразования)*. В: *С любовью к языку: Сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой*. Москва–Воронеж.
- Блинова О.И. (2000). *Русская мотивология*. Томск.
- Богородицкий В.А. (1939). *Очерки по языковедению и русскому языку*. Москва.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. (1963). *Избранные труды по общему языкознанию*, т.1. Москва.
- Земская Е.А. (1973). *Современный русский язык. Словообразование*. Москва.
- Зубкова Л.Г. (1993). *Симметрия и асимметрия языковых знаков*. В: *Проблемы фонетики I*. Москва.
- Красильникова Е.В. (1981). *О формальной структуре слова*. В: *Проблемы структурной лингвистики 1978*. Москва.
- Крушевский Н.В. (1998). *Избранные работы по языкознанию*. Москва.